

491/037

389

Русский язык
в школе

1937.

л 1-6

А. М. СУХОТИН

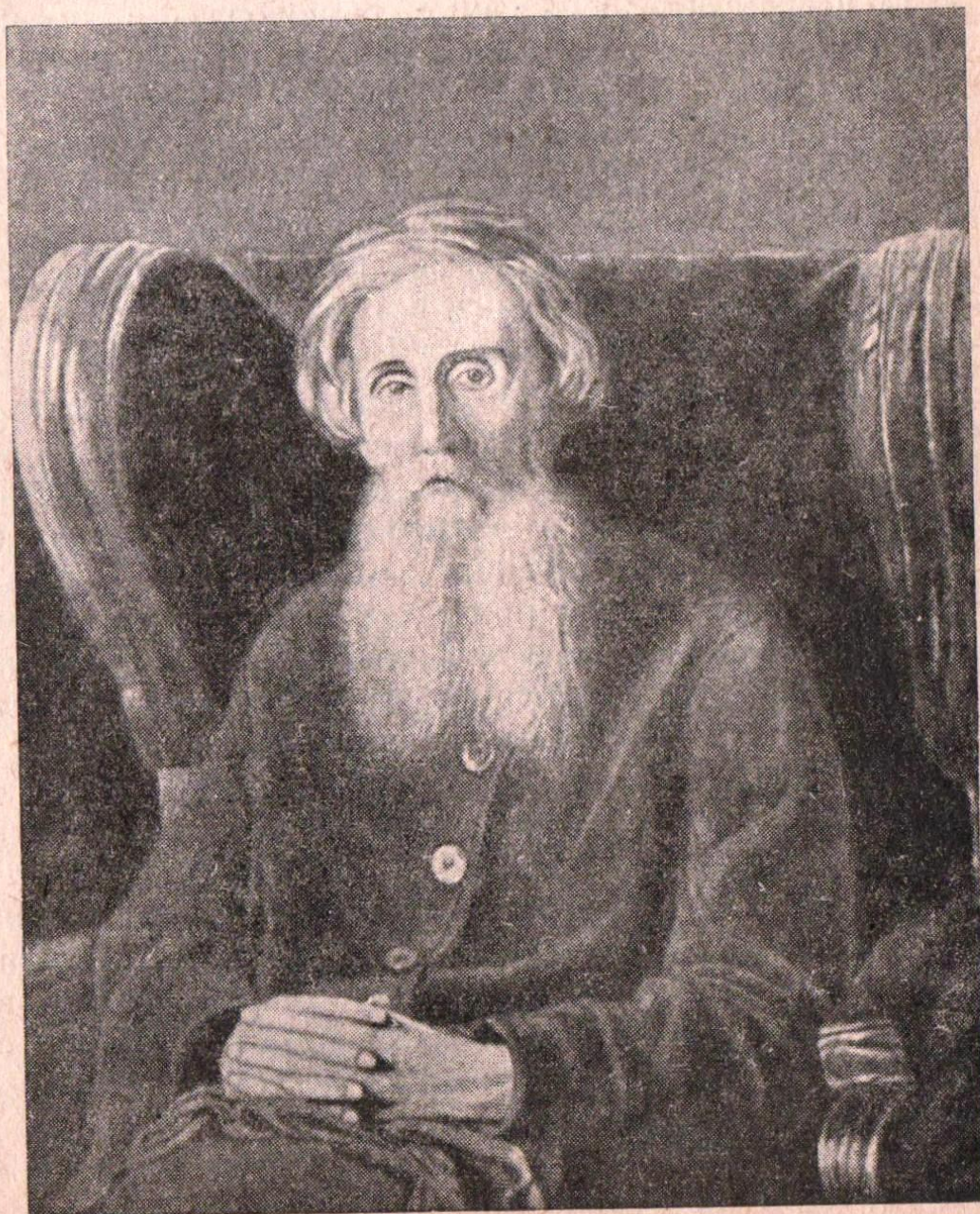
В. И. ДАЛЬ

(К 65-летию со дня смерти)

Владимир Иванович Даль (1801—1872), замечательный знаток народной русской речи во всем разнообразии ее говоров и страстный борец за реформу русского литературного языка, за приближение его к народному языку, по образованию своему и по профессии не был ученым филологом. Учился он в Морском корпусе, куда его удалось определить на казенный счет. Произведенный в 1819 г. в офицеры, Владимир Даль оказался совершенно непригодным к морской службе (он не переносил качки) и через несколько лет вышел в отставку. Он

Владимир
Иванович
Даль

Портрет В. Г.
Перова

поступил в университет, причем выбрал медицинский факультет только потому, что от покойного его отца осталась медицинская библиотека. Окончив университет, он через несколько лет, в поисках лучшего заработка, переменял профессию военного врача и сделался чиновником. Восемь лет он прослужил в Оренбурге чиновником особых поручений при тамошнем военном губернаторе (причем постоянно бывал в командировках), восемь лет в Петербурге в канцелярии министра внутренних дел и десять лет в Нижнем-Новгороде в должности управляющего удельными имениями (с населением в несколько десятков тысяч крестьян).

В 1859 г. он окончательно вышел в отставку, чтобы посвятить остаток своей жизни приведению в порядок и изданию тех фольклорных и словарных материалов, которые он собирал в течение предшествующих сорока лет..

Даль был человек исключительно трудолюбивый и работоспособный и очень плодовитый писатель. Начальство по-своему оценивало его литературный талант, поручало ему составление всяческих «положений», официальных записок и «всеподданнейших» докладов и косо поглядывало на иную его литературную деятельность («Охога тебе писать что-нибудь другое, кроме бумаг по службе», сказал ему однажды министр внутренних дел генерал Перовский). Но Даль находил время и для занятий литературой. Его перу принадлежит множество статей (многие из них затерялись по журналам того времени и до сих пор не приведены в известность) на самые разнообразные темы: медицинские, естественно-научные, этнографические, языковедные, публицистические; он издал учебники ботаники и зоологии; он писал (под псевдонимом «Казак Луганский») сказки, повести, рассказы и очерки, наполнившие девять томов посмертного собрания его сочинения. Но вся эта деятельность меркнет перед величайшим подвигом его жизни — собиранием сокровищ русской народной речи, изданных им в виде «Пословиц русского народа» (1-е издание в 1861—1862 гг.) и «Толкового словаря живого великорусского языка» (1-е издание в 1863—1866 гг.).

В. И. Даль был ровесником декабристов младшего поколения и Пушкина, но по своему происхождению и воспитанию принадлежал к совершенно иной социальной среде. В противоположность деятелям дворянского периода русского революционно-демократического движения, он был человеком без устойчивого положения в обществе и материально совершенно не обеспеченным, человеком личного труда, и в молодые его годы именно заботы о заработке побудили его закабалиться на государственной службе. В мрачные годы царя-жандарма Николая I государственная служба была естественным поприщем для способного и трудолюбивого разночинца, сулившим ему обеспеченное существование. И Даль в этом отношении не представлял исключения. Он стал исполнительным чиновником. Но у этого исполнительного чиновника была одна могучая страсть, радостная и мучительная, столь могучая, что она давала ему силы в течение ряда десятилетий без посторонней помощи, почти даже без поощрения от окружающих, выполнять огромную работу, размеры которой кажутся превосходящими силы одного человека. Это была страстная любовь, деятельная, творческая, к самобытной культуре и языку русского народа.

В борьбе за свою идею Даль был смел и красноречив и громко подымал свой протестующий голос против культурной разобщенности между народом и «образованным обществом», против оторванности ли-

тературного языка от народной стихии, против подражания всему иностранному. Это был тот же голос, который незадолго перед тем прозвучал в пламенных стихах Грибоедова, вложенных в уста Чацкого. Недаром Даль столь высоко ценил «Горе от ума», говоря, что «оно ушло вперед от современников и показывает, чего можно ожидать от потомства». На старости лет Даль писал, что «всю жизнь свою... знакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень, ...и почти с детства смесь нижегородского с французским была мне ненавистна». Он страстно звал учиться у народа. В феодальной, полуварварской России Даль был одним из первых провозвестников того лозунга народности, который полноценно, полностью зазвучал и реализуется в стране победившего социализма.

Даль стремился заразить своею любовью к народному языку своих современников. Он начал пропаганду окольным путем, через художественную литературу. В 1832 г. вышло его первое крупное литературное произведение, его подражания народным сказкам. Через 10 лет после этого в журнальной статье он писал, что за эти сказки «и похвалили и побранили писателя ...но цели, намерения его не понял никто. Может быть, он сам этому виноват, и почему-нибудь понять его было трудно. Не сказки по себе были ему важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода — и сказка послужила предлогом. Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком...» Итак, у нас есть свидетельство самого Даля о том, с какой целью он вступил в литературу. Вся дальнейшая его литературная деятельность преследовала ту же задачу — знакомить читателей с языком и бытом русского народа, и высокая оценка, данная ей Белинским, объяснялась именно тем, что великий критик-демократ понял, что Даль «любит простого русского человека, ...умеет мыслить его головой, видеть его глазами, говорить его языком», и что любовь эта «не чувство, не отвлеченная мысль: нет! это любовь деятельная, практическая».

Но не довольствуясь косвенной пропагандой через художественную литературу, Даль в 1842 г. выступил с двумя программными статьями о русском литературном языке. Из этих статей и некоторых других его позднейших высказываний можно составить себе ясную картину его взглядов по этому вопросу.

Даль ставит вопрос исторически. Он исходит из того положения, что в результате преобразований Петра I Россия «захватила наготове вдруг и в один день все, что было припасено, приобретено тяжким опытом, очищено в горниле искуса другими народами... Мы этим, может статься, 300 лет жизни выиграли, но дело на том еще не окончено. Нельзя никакой силой уничтожить с лица земли все то, что целые тысячелетия было родным и народным; когда два начала эти, родимое и прививное, друг с другом обойдутся, взаимно усвоятся, видимое противоречие изгладится, когда из них выйдет одно, тогда у нас будет все свое и все согласно, созвучно. И вот почему и в словесности нашей еще и быть не может народности, родимости, свойскости ни в речи, ни в сущности ее».

Даль настаивал на том, что необходимо приспособить язык к выражению тех новых понятий, которые нахлынули в Россию с Запада, но считал, что дело это еще не сделано и что, наоборот, развитие лите-

ратурного языка приняло неверное направление. «В богатом и обильном языке нашем,— писал он,— выражения не обусловлены, обороты не приспособлены к новой думе и мыслям, свой язык по ним не выработан». Он призывал сознательно строить русский литературный язык. Против засорения иностранными словами, против ошибочных приемов словообразования, против неправильности фразеологических оборотов ополчился он со всею присущей ему страстностью.

Современникам и потомкам больше всего запомнилась вражда Даля к иноязычным словам—это было его самое уязвимое место, и в этом отношении он, действительно, высказывал крайние взгляды, но справедливость требует отметить, что борьба против этих слов была для него только одним из участков общей борьбы за народность литературной речи и, как мы ниже увидим, даже не важнейшим участком. Вот его подлинные слова: «Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи, но к чему вставлять в каждую строчку: *моральный, оригинальный, натура, артист, грот, пресс, гирлянда, пьедестал*, и сотни других подобных, когда без малейшей натяжки можно сказать то же самое по-русски. Разве: *нравственный, подлинный, природа, художник, пещера, гнет, плетеница, подножье* или *стояло* хуже?» Впрочем, он оговаривался, что «изгонять принятые слова, конечно, дело щекотливое, и за это мы не беремся».

Заимствованию слов Даль предпочитал использование суффиксального (и в меньшей мере приставочного) словообразования, но и в этой области существующая практика его не удовлетворяла. Он сетовал на то, что «пишут без всякой нужды: *красивость* вместо *красота*, *усовершенствование*, *руководствуемый*, *действование*, *чувствования*, *семейственный* вместо: *усовершеншение*, *руководимый*, *действие*, *чувства*, *семейный*», и совершенно резонно прибавлял: «если же принять и то и другое слово, то надо их различать и не употреблять без разбору то и другое». Его пугала чрезмерная длина русских слов, а еще более то, что «все мы усердно стараемся растянуть русскую речь еще шире и длиннее от незнания языка своего, от ломки его по несродным ему образцам». Из-за ошибочности приемов словообразования язык наш становится тяжелым и громоздким: «вот вам целые груды взятых напрокат иноязычных глаголов, которые не лезут в кузов наш без поделок, без долговязых, приварных хвостов, могущих уже по себе стать под мерку и потягаться с самыми длинными, иноязычными словами; вот целый поезд наших доморощенных существительных, переделанных своими трудами из природных и настоящих русских слов, с навеской каких-то дикообразных хоботов; а вот, наконец, и запасная сила наша, запасец громоздких, выкованных склепкой и сверкой составных слов, /коими долгом считаем гордиться по мере сил своих, потому что они, как мы полагаем, русские и сверх того еще собственного нашего изделия».

«Но важнее слов, которые могут еще иногда быть признаны удачными и приуроченными к нашей почве, важнее слов склад речи, слог и обороты» — утверждал Даль и приводил примеры ходячих неуклюжих оборотов: «*не делайте шума*», вместо *не шумите*; «*он имеет много времени*», вместо «*у него много времени, он богат временем, у него много досуга, свободного часа*», или просто «*он досужен*»; «*работа эта не превосходила сил его и притом согласовалась более или менее с наклонностями его*»; вместо «*работа посильная и не*

постылая, не докучливая, не противная»; «жизнь наша коротка, а бедствий встречаем много», вместо «веку мало, горя много».

Существующему литературному языку Даль противопоставлял народную речь: «Русские выражения и русский склад языка остались только в народе; в образованном обществе и на письме язык наш измолосся уже до пошлой и бесцветной речи... Более половины русских слов забыты, изгнаны, заменены и заменяются еще каждодневно иностранными; а обороты, русский склад переиначен по таким языкам, которые в сущности своей слишком удалены от нашего, а этот не гнется в заморскую дугу, и мы его ломаем. Это и называется обработать язык, как медведь в лесу дуги гнет: гнет он — не парит, переломит — не тужит». И он указывал выход из создавшегося положения: «живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи».

На возможное возражение, что в народной речи не хватает слов для отвлеченных понятий, Даль отвечал, что «большая часть прямых и насущных выражений может быть применена к употреблению в переносном смысле», и далее в более общей формулировке: «В народном языке недостает многих для нас необходимых слов, потому что там нет и многих понятий; но никто не заставляет нас принять в замену нынешнего простонародный язык, а речь идет только о необходимости воспользоваться им, приобрести его, приобщить, очистив и обработав, к нынешнему языку, с тем чтобы не переиначивать слога и склада его (фразеологии, стилистики) по-иноземному; не идти наперекор языку, как мы ныне делаем, а идти с ним братски, рука в руку, быть не только учителем его, но и учеником».

Лишнее подтверждение возможности строить русский литературный язык на основе народных говоров Даль видел в том, что в противоположность «Франции, Германии, Италии, где местный народный говор нередко до того уклоняется от общепринятого, что почти может быть принят за другой язык..., у нас... местные уклонения его столь незначительны, что их даже не всякий замечает».

Служебная деятельность Даля, и как морского офицера, и как военного врача, и как чиновника (за исключением нескольких лет, проведенных в петербургской канцелярии), протекала в постоянном общении с представителями «низших» классов населения, с выходцами из разных концов России. Это давало ему возможность удовлетворять рано пробудившийся в нем интерес к народному языку. Он сам впоследствии рассказывал, что «с той поры, как... себя помнит, его тревожила и смущала несообразность письменного языка нашего с устной речью простого русского человека, не сбитого с толку грамотейством, а стало быть и самим духом русского слова... Жадно хватая на лету родные речи, слова и обороты, когда они срывались с языка в простой беседе»,... он «записывал их, без всякой иной цели и намерения, как для памяти, для изучения языка, потому что они ему нравились. Сколько раз случалось ему, среди жаркой беседы, выхватив записную книжку, записать в ней оборот речи или слова, которое у кого-нибудь сорвалось с языка... Прошло много лет, и записки эти выросли до такого объема, что при бродячей жизни стали угрожать требованием особой для себя подводы... Просмотрев запасы свои, собиратель убедился, что в громаде сору накопилось много хлебных крупниц, которые, по русскому поверью, бросать грешно.

Своим выходом в отставку в 1859 г. обеспечив себе необходимый досуг, Даль занялся окончательной обработкой огромных накопившихся у него словарных и фразеологических запасов и сперва, в 1861—1862 гг., выпустил свои «Пословицы русского народа», а затем приступил к изданию словаря, включив в него и весь материал ранее опубликованных пословиц.

В «Толковом словаре» не все принадлежит Далю. Он использовал предшествовавшую ему лексикографическую работу, «Словарь Академии Российской» и изданные Академией наук «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. и «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г. Но весь этот материал (по его подсчетам около 120 тыс. слов) он существенно переработал и пополнил собранным им самим словарным материалом (по его подсчетам около 80 тыс. слов).

Даль стремился к исчерпывающей, по возможности, полноте своего словаря. Он хотел, как сам выражался, «захватить все то, что среди нынешнего великорусского народа можно услышать или прочитать». Исключению подверглись лишь выражения сквернословные и те, которые он, следуя Гоголю, называл «галантерейными», «выражения полукупчиков, сидельцев, разночинцев и лакеев, как напр. *портрет, кия-тер, полухмахтер* и пр. Он поместил в словарь «слова, речи и обороты всех концов Великой Руси», оговаривая при этом, что делает это «не для безусловного включения их в письменную речь, а для изучения, для знания и обсуждения их». Из письменного языка он включил и столь ненавистные ему иноязычные слова (хотя сам по этому поводу заметил, что «за всеми не угоняешься»), и устаревшие книжные церковнославянские слова, как *аще* (если), *вран* (ворон), *гобзить* (делать обильным), *дщерь* и даже *дици* (дочь), *сице* (так), *спона* (препятствие), *стогна* (площадь) и подоб.

Свое огромное предприятие Даль выполнил один, без посторонней помощи, внося в свой словарь весь свой страстный темперамент. Своеобразно в словаре не только пуристическое отношение к языку, но и самое расположение материала. Даль долго колебался, какой вид придать словарю. Ему были известны два типа словарей: «либо все, без изъятия, слова подбирались сподряд в азбучном порядке, и каждое слово объяснялось по себе, будто иных прочих и не бывало, либо слова подбирались целыми ватагами, под один общий корень». Первый способ он назвал «голословным», второй «корнесловным». Первый способ, по его мнению, «крайне туп и сух; самые близкие и сродные речения... разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена;... одни и те же толкования должны повторяться несколько раз; читать такой словарь нет сил, на десятом слове ум притупеет и голова вскружится»... «Второй способ, корнесловный, — продолжает он, — очень труден на деле, потому что знание корней образует уже по себе целую науку и требует изучения всех сродных языков, не исключая и отживших, и при всем том основан на началах шатких и темных, где без натяжек и произвола не обойдешься; сверх сего порядок корнесловный, при отыскании слов, предполагает в писателе и в читателе не только равные познания, но и одинаковый взгляд и убеждения насчет отнесения слова к тому либо другому корню».

В конце концов Даль остановился на среднем способе между «голословным» и «корнесловным». Слова он объединил в родственные группы,

которые он называл «гнездами». Каждое «гнездо» начинается с «заглавного» слова (обычно глагол, реже существительное) и к нему подобраны «производные» от него слова, за исключением, однако, образований с приставками, которые отнесены на свое алфавитное место. К сожалению, при распределении слов по «гнездам» Даль наделал множество ошибок (некоторые из них, указанные рецензентами, были исправлены при втором издании словаря) и обнаружил чрезвычайную непоследовательность. Так, например, слово *маститый* он отнес к заглавному слову *мастика*, *пирог* — к *пир* (эти ошибочные этимологии сохранены и во втором издании). С другой стороны, он совершенно произвольно разъединял такие явно родственные слова, как *дикий* и *дичь*, *живой*, *живот*, *жизнь* и *жилец*. Как в этом отношении, так в отношении и иных этимологических указаний, Даль не является авторитетом.

Ценность представляет словарь Даля не как словарь этимологический, но как словарь толковый. Но и его «толковость» весьма своеобразная: она всецело подчинена основной установке автора — агитации за народный язык, стремлению показать его исключительное богатство, а также его словопроизводственные возможности. При этом иногда совершенно упускаются из виду оттенки значения производных слов. Так, например: *дева*, *девица*, *девица*; *девка*, *девочка*, *девушка*; *девчуга*, *девчужка*, *девчурá*, *девчурка*, *девчурочка*; *девчонка*, *девчоночка*, *девча*, *девойка*, *дево́нька*, *дево́нька*, *девоня*, *девонюшка*, *девуня*; *деваха*, *деушка*, *девоха*, *девчина* — все эти 24 слова (без каких-либо дополнительных пояснений) одинаково толкуются как «всякая женщина до замужества своего».

В отношении иноязычных слов Даль сплошь и рядом не столько стремится к истолкованию, сколько к подбору возможно большего числа близких по значению русских по происхождению слов (синонимов), желая этим показать, что употребления иноязычного слова вполне можно избежать. Пример: «*серьезный* — *важный*, *чинный*, *степенный*, *величавый*; *строгий*, *настойчивый*, *решительный*; *деловой*, *дельный*, *озабоченный*, *внимательный*, *занятой*, *думный* или *думчивый*, *мысливый*; *резкий*, *сухой*, *суровый*, *пасмурный*, *сумрачный*, *мрачный*, *угрюмый*; *заправский*, *нешуточный*...» А вот как толкуется «*инициатива*: *начинание*, *починание*, *зачинание*, *вчинание*, *учинание*, *вчин*, *зачин*, *начин*, *почин*, *учин*», и пример дается не на толкуемое слово, а на одно из толкований: «в этом вопросе честь *зачина* за тобою».

Иноязычные слова Даль помещал в свой словарь именно для того, чтобы показать, что без них можно обойтись. «От исключения из словаря чужих слов — писал он — их в обиходе, конечно, не убудет; а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка». И далее: «Если предлагаемые слова не сыщут одобрения и приема у писателей, то может быть дадут повод к толкам и к отысканию других и лучших слов, и тогда цель наша очевидно будет достигнута».

Ошибка Даля состояла в том, что он не стремился найти или образовать одно какое-нибудь русское слово для замены им иноязычного термина, а предлагал целый ворох слов на выбор. Так, *синонимы* он называл и *сословами* и *однословами*, и *тождесловами*, *атмосферу* хотел окрестить в *колоземицу* или *мироколицу*, для понятия *эгоист* предлагал такие слова, как *себялюб*, *самотник* и *себятник*. Все это, по большей части, были сочиненные им самим слова, и сочиненные

часто весьма нескладно, способом сложения корней, который он сам осуждал, говоря, что «переводы буквальные, требующие сварки двух-трех слов, почти всегда бывают неудачны, потому что это противно духу нашего языка и что способ этот дает слова неуклюжие, нередко еще более дикие, чем чужое слово, которое хотят им заменить». Он, осуждавший сочинение всяких *шарокатов* и *шаропехов* (этими словами в свое время Шишков хотел заменить *биллиард* и *кий*), сам свернул на тот же шишковский путь и с тем же незавидным результатом. Но, впадая в эти крайности, подвергаясь насмешкам за сочиняемые им слова, он вместе с тем давал мудрый совет прислушиваться к живой народной речи, где много можно сыскать выражений для замены иноязычных. «Коли народ,— писал он,— не надрываясь умничаньем, без натуги, даст чему свою кличку, верно произведенную от одного главного понятия, то, воля ваша, одна только причуда и утрата вкуса и чувства к своему языку могут чуждаться таких слов».

Но словарь Даля богат не только словами, но и фразеологическими сочетаниями слов — пословицами, поговорками, народными прибаутками, загадками (всего их в словаре более 30 тыс.). Наконец,— и в этом особое своеобразие и ценность словаря — в него включен огромный материал чисто этнографического порядка: описание народных поверий, обычаев, отдельных сторон хозяйственной и культурной жизни русского крестьянина и ремесленника.

Чтобы включить в словарь весь этот обширный запас этнографических сведений, составителю пришлось отступить от подачи материала в строго алфавитном порядке. Подобно тому, как слова Даль расположил словопроизводственными «гнездами», он и многие толкования слов, включающие обильный этнографический и вообще реальный материал, распределил не по каждому отдельному слову, а по родовым понятиям.

Первоначально Даль замыслил составление особого «толкового» словаря, в котором «под каждым главным, родовым или собирательным — в словарном смысле — речением должны быть размещены, с подробным толкованием, все подчиненные выражения, относящиеся к одному и тому же предмету». «Вместо списка всех слов языка, размещенных в обычном порядке,— продолжает он,— словарь этот будет состоять из целого ряда статей, в каждой из которых должны быть объяснены десятки и сотни слов». Но в дальнейшем он отказался от этого своего намерения и, подобно тому, как принял средний путь между «голословным» и «корнесловным» типом словаря, так и здесь выбрал нечто среднее между чисто алфавитным и предметным распределением материала: в результате некоторые реальные толкования слов приходится искать по алфавиту отдельного слова, другие — по алфавиту родового или собирательного слова. Из-за этого, конечно, проистекают многие неудобства словаря.

Но ценою этих средних путей, этих компромиссов в системе построения словаря, достигнуто было чрезвычайное богатство его содержания. В нем иногда затруднительно отыскать нужное сведение, но зато, развернув его, где ни придется, его можно читать как увлекательную и поучительную книгу.

Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» не был ученым языковедом и вообще не был цеховым ученым. Но это не помешало ему создать замечательнейший памятник русского практического языкознания. Он сам сознавал свою научную неподготовленность, но

он же сам указал на те данные, которые дали ему возможность выполнить свой великий труд: «сильное сочувствие к живому русскому языку, как ходит он устно из конца в конец по всей нашей родине, и некоторое понимание его, близкое с ним знакомство, могущее, хотя в одном этом направлении, заменить ученость; ...любовь к нему, ручавшаяся за одоление труда, за стойкую усидчивую работу над этим делом, по конец жизни».

Даль на своем веку переменял несколько профессий, выступал печатно по разнообразным вопросам, и многие стороны его деятельности и его идеологических высказываний нам, конечно, совершенно чужды. Нам он дорог тем, что и для него самого было самым дорогим и самым важным — его борьбой за русский народный язык. «Пришла пора, — говорил он, — подорожить народным языком и выработать из него язык образованный». Этот его завет, не понятый его современниками, приобретает новую силу и действенность в нашу эпоху, эпоху расцвета культуры национальной по форме и социалистической по содержанию. Даль понимал, что развитие литературного языка нельзя предоставлять, как мы бы теперь выразились, «самотеку», что язык надо сознательно строить, любовно относясь к его веками накопленным богатствам. Современники осмеивали его по пустякам, за его крайности, за его огульную враждебность ко всем иноземным элементам речи, но проглядели главное — его мысль, что язык, какие бы высокие области культуры он ни обслуживал, должен питаться соками живой народной речи.

Даль не ограничивался догматическим высказыванием своих мнений, он проповедывал делом, огромным трудом, вложенным в собирание и обнародование сокровищ русской народной речи. Плод его неустанных трудов — «Толковый словарь живого великорусского языка», несмотря на некоторые, весьма существенные его недостатки (главный из них — неразличение того, что действительно бытует в живом языке, и что придумано его автором), несмотря на его устарелость и неприемлемость в некоторых отношениях, доньше сохраняет свою громадную ценность и служит богатым источником знаний и для писателя, и для педагога, и вообще для всякого гражданина Советской страны, любящего великий русский народ и его язык.

Даль понимал, что поставленная им задача — выработать русский литературный язык на основе народного — неосуществима для его времени. «Мы можем, — говорил он, — только готовить все это для будущего поколения».

Это поколение, хозяин всего ценного, великого в культурном наследии прошлого, создано в нашей стране Великой пролетарской революцией.

